

Кошелева Альбина Леонтьевна
Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории, Россия
khaknaukal@mail.ru

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕМЫ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»
В ПОВЕСТИ ТУВИНСКОГО ПИСАТЕЛЯ А. ДАРЖАЯ «ЯМА» И ПОВЕСТИ ХАКАССКОГО
ПИСАТЕЛЯ О. ШУЛБАЕВА «ГОД КРОВАВОГО ЛИСА»:
ТИПОЛОГИЯ, ИДИОСТИЛЬ**

Аннотация: В статье исследуется интерпретация темы «Большого террора» в повестях прозаиков Саяно-Алтая – тувинского писателя А. Даржая – «Яма» и хакасского писателя О. Шулбаева – «Год кровавого Лиса». Тувинский и хакасский писатели пришли к решению художественной реализации этой трагической и проблемной темы в своих литературах первыми, но в разное время: А. Даржай (1990), О. Шулбаев (2010). Наш научный интерес – исследовать художественное решение писателями этой проблемы в их социально-исторических повестях: традиции и новаторство в формировании фактографической образности, оттенков характеров, сюжетных вариаций, трактовки акцентов идеи и общей для них проблемы.

Ключевые слова: социально-историческая повесть, традиция, идиостиль, тема, акцент, репрезентация, народ, диктат, террор, культ.

Kosheleva Albina Leontyevna
Khakas Research Institute of Language, Literature and History
Abakan, Russia

**INTERPRETATION OF THE THEME «GREAT TERROR» IN THE STORY OF
TUVINIAN WRITER A. DARZHAI «THE PIT» AND THE STORY OF KHAKASS WRITER O. SHULBAEV
«THE BLOODY FOX'S YEAR»: TYPOLOGY, INDIVIDUAL STYLE**

Abstract: The article investigates interpretation of the theme «Great terror» in stories of prose writers of the Sayan-Altai – Tuvinian writer A. Darzhai's «The pit» and Khakass writer O. Shulbaev's «The bloody fox's year». The Tuvinian and Khakass writers were the first, but at different times, who came to the solution of artistic realization of this tragic and problematic theme in their literary works: A. Darzhai (1990), O. Shulbaev (2010). Our scientific interest is to explore the writers' artistic solution of this problem in their social and historical stories: traditions and innovation in the formation of factographic figurativeness, shades of tempers, plot variations, interpretation of emphases of the idea and the common problem for them.

Key words: social and historical story, tradition, individual style, theme, emphasis, representation, people, dictation, terror, cult.

Тема «Большого террора» стала знаковой в отечественной литературе. Это проза В. Гроссмана и А. Бека, А. Солженицина и В. Шаламова, В. Аксенова и А. Рыбакова. Это поэмы «Реквием» А. Ахматовой и «По праву памяти» А. Твардовского. Искалеченные, сломанные судьбы, драматические, чаще всего с трагическим финалом события, стали печальной страницей в истории биографии большой страны. Сила инерции, влияние могущественной глобализации (система, ее политика) не могли не захватить национальные окраины, обернувшись и обрушившись карательными мерами на местную интеллигенцию, пытавшуюся повести свой народ к грамоте, свету, обратившись к национальным корням, традициям. С клеймом «националиста», «контрреволюционера» шли на расстрел или на каторгу не только они, интеллигенты, но и те, только с ярлыком «кулака», кто тяжелым, собственным трудом создал, как говорят, «сколотил», какое-то хозяйство. Уничтожалась так называемая живая эстафета преемников, создателей национальной культуры, материальных ценностей. Случившееся в 1937-1938 годах стало непоправимой национальной трагедией.

Но что характерно, эта суровая и порочная страница нашей отечественной истории, обозначилась как тема в литературе (см. выше) и искусстве, по известной причине, сравнительно недавно, в основном лишь после XX съезда КПСС, в период «оттепели». В национальных литературах подобное случилось еще позднее. Об этом, в частности, свидетельствуют реалии издания такого рода произведений в тувинской и хакасской литературах, ставших предметом нашего исследования. В конце XX-го века эта тема пришла в тувинскую литературу и оказалась новой для социально-исторической тувинской прозы: жертвами репрессий стали герои повести «Яма» (1990) народного писателя Тувы А. Даржая, романа С. Сюрэн-оола «Ворон, говорящий на тувинском» (1994), романа народного писателя Тувы Е. Тановой «Кара-Бай» (1994), романа Монгуш Кенин-Лопсана «Исчезнувшая девушка» (2000), романа Р. Лудупа «Долгий путь одной тишины» (гл. «Туда, где море уходит в небеса») (2012).

В хакасской литературе тема «Большого террора» впервые была заявлена в 2010 году, о чем образно и эмоционально сказал хакасский писатель С. Карачаков: *«Повесть Олега Шульбаева «Год кровавого Лиса», - пишет он в послесловии повести, - единственная пока в хакасской литературе работа о «культе личности», о «врагах народа», о жестокой мельнице репрессий тридцатых и последующих годов, где перемалывались жизни, судьбы не только тех, кто попал под ее жернова, но и их родных, близких – тех, кого называли короткой аббревиатурой – ЧСИР – члены семьи изменника Родины»* [Карачаков, 2010, с. 110]. И буквально днями назад (октябрь, 2017) С. Карачаков принес на рецензию автору этой статьи рукопись трех пьес, раскрывающих эту тревожную, «горькую» и новую в хакасской литературе тему – трилогию-трагедию из цикла «Хакасы»: «След», «Стена» и «Кровью плачет небо». Остается надеяться, что и они станут достоянием читателя и зрителя.

Характерно, что А. Даржай и О. Шульбаев, один в тувинской литературе, другой – в хакасской, стали первооткрывателями обозначенной темы. Аналогична и устремленность авторов усилить ее содержательные социально-творческие акценты, что невозможно достичь без четко организованной, продуманной художественной системы с особенностями идиостиля каждого из них. А одной из важных составляющих авторской индивидуальности, идиостиля, исходя из литературоведческой посылки академика Г.Н. Пospelова, является биография, творческая судьба самого писателя.

Даржай Александр Александрович (1944-2016) родился в селе Суг-Аксы тувинской АССР. Детские и юношеские годы прошли в селе Тулун-Терек Чаа-Хольского кожууна. В 1962 году закончил Чаа-Хольскую среднюю школу и до 1965 года работал в совхозе «Найырал». С 1970 по 1976 год после окончания Кызылского государственного педагогического института работает заведующим отделом, редактором в газете «Тыванын аныяктары». С 1976 по 1981 год – редактор Тувинского книжного издательства. С 1979 года – член Союза писателя СССР. В 1981 – 1989 годы – литературный консультант Союза писателей Тувы. В 90-е годы был членом Совета Союза писателей СНГ, России. С 1992 года по 1994 год – министр печати Тувы. В 1994 – 1998 годах А.А. Даржай – депутат Верховного Хурала Тувинской Республики.

В 1972 году издается первая книга А. Даржая – «Төрээн черим», однако «пробы пера» начались уже после окончания школы. Творческий путь А.А. Даржая – это 33 книги поэзии и прозы на тувинском, русском и алтайском языках, переводы на тувинский язык Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Блока, Есенина, Сулейменова, Барто, особая страница переводческой деятельности А.А. Даржая – это перевод на тувинский язык надгробных надписей памятника тюркскому вождю Кюль-тегину. Он издал сборники «Антология тувинской литературы», «Тыва чечен чугаа», сборники молодых авторов «Дамырак – 1», «Дамырак – 2». Стихи А. Даржая печатались в журналах «Молодая гвардия», «Смена», «Поэзия», «Истоки», «Литературная учеба», «Студенческий меридиан», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Днипро», «Жовтень», «Сізурия» (Украина), «Жалын» (Казахстан), в газетах «Комсомольская правда», «Литературная Россия», «Литература и искусство», в антологиях «Россияне», «Песнь о Сибири». В 1982 А.А. Даржай стал лауреатом комсомольской премии Украинской ССР. В 1994 году награжден медалью «За доблестный труд» Тувинской республики. В 2004 году стал лауреатом премии им. Степана Агбаановича Сарыг-оола за книгу сонетов «Ынакшылдын ширээзи». В 2005 году награжден орденом Дружбы народов за вклад в развитие культуры и литературы. В 2007 году А.А. Даржаю присвоено почетное звание – Народный писатель Республики Тыва.

На десять лет моложе А.А. Даржая Олег Петрович Шульбаев. Он родился в 1954 году в селе Нижние Сиры Таштыпского района Хакасской автономной области: известный в Хакасии журналист, писатель, член Союза писателей России (1999). Заявил он о себе в литературе уже первыми своими очерками «На Хасане» и «Неотправленное письмо» (конец 80-х годов), которые известный хакасский писатель Каркей Нербышев назвал «свежей новостью в литературе». А сам путь в литературу был дня О. Шульбаева в чем-то типичен относительно его коллег по перу, а в чем-то только его – Олега Петровича Шульбаева – путь. Анжуйская восьмилетняя, а затем Верх-Таштыпская средняя школа, окончание хакасского отделения филологического факультета Абаканского педагогического института и работа преподавателем в Таштыпской средней школы № 1. В 1975 году О. Шульбаева пригласили на работу в редакцию областной национальной газеты «Ленин чолы», а весной 1977 года его призвали в армию. После воинской службы вновь вернулся в редакцию областной газеты и проработал здесь более двадцати лет. В настоящее время О.П. Шульбаев занимается творческой деятельностью, активно сотрудничает с региональными СМИ, публикуется в журналах, альманахах, в газете «Хакасия» ведет рубрику «Как это по-хакасски». В 2010 году Совет старейшин Хакасии присвоил О.П. Шульбаеву звание «Человек года». Проза О. Шульбаева (очерки, рассказы, повести) периодически печатается в местной периодике. Он – автор более 10 книг на русском и хакасском языках. И это – яркое явление транснациональной, транскультурной литературы, когда репрезентация и саморепрезентация национального,

его прошлое и настоящее, явления глобального взаимодействия и взаимовлияния двух национальных культур осуществляется своеобразным талантливым авторским почерком, органически сочетающим активную гражданственность писателя с его высоконравственным лиризмом: тетралогия «У любви прошедшего нет», повести «Тогда картошка цвела», «Брынза», «Год кровавого Лиса», рассказы «Две встречи», «Одинокая лиственница», «В чем моя вина», «Встреча на Неве» и др. В 2014 году издана книга очерков, рассказов и повестей О. Шулбаева «Мой отец – мой герой». Под одной обложкой с трогательным названием и не менее трогательной и явно адресной ориентацией объединено то, что формировало год за годом творческое кредо и творческую биографию писателя.

Некоторая разница в возрасте, в чем-то схожие, а где-то по-своему неповторимые пути, перепутья, знаки индивидуальной судьбы не стали для этих писателей, А. Даржая и О. Шулбаева, причиной невозможности обратиться к одной проблеме, ставшей диктатом и болью для сотен тысяч людей и целых народов большой и многонациональной страны. Модус трагического этой историко-социальной и общенародной проблемы сфокусированный в заглавиях обеих повестей – «Яма», «Год кровавого Лиса» – генерирует и соответствующее восприятие и интерпретацию читателя. Заглавие произведения обычно соотносится с его традиционными компонентами: тематика и проблематика, сюжет, система персонажей, деталь, время и место действия. Слово «Яма» в повести А. Даржая многофункционально как знак, как единица смысла, соотносящееся с темой и проблемой произведения, его хронотопом. «Яма» – это «объект», это «явление», то, что объединяет героев оппозиции, по – разному оценивающих это «явление». Уже сама семантика слова-заглавия настораживает читателя: «яма» – нечто предназначенное для захоронения кого-то, чего-то с целью изоляции от внешнего мира.

В заглавии повести О. Шулбаева трагическое обозначено еще более явственно – «Год кровавого Лиса». Год Красного Лиса – это год хакасского зодиака: так случилось, что этим годом оказался действительно «кровавый» для нашей страны и для героев повести – 1938-ой год. Писатель, фокусируя внимание читателя на определенном временном промежутке, стремится передать не только суть бытия, но и знаковую часть судьбы своих героев, подчеркнуть трагичность и типичность воссозданных событий. И «Яма», и «Год кровавого Лиса» – это заглавия, ставшие важнейшим элементом смысловой и эстетической организации текста, это своеобразный «микротекст», обладающий собственной семантикой и образной структурой, представляющий и значимую конкретику детали, и смысловую емкость, выразительность метафоры и символа.

Каково же художественное воплощение *трагической константы* в обеих повестях? Ее смыслообразующим принципом и у А. Даржая, и у О. Шулбаева является представление и раскрытие образов главных героев оппозиции: сотрудника правоохранительных органов Тувы *Боражыка* в повести «Яма» и хакасского охотника, крестьянина *Андрея Даниловича Шулбаева (Албынаха)* в повести «Год кровавого Лиса» О. Шулбаева, образующих событийные границы собственной судьбы и повествования в целом. И тот, и другой образы повестей несут черты авторской оценки, нечто свое, индивидуальное и типичное, как «оттиск» своей среды. Но одновременно каждый из этих образов – характеров, формирует свое содержательно-эстетическое поле. Формирует по-разному, что определяется и сюжетом, и идиостилем автора.

В центре сюжета, трагической коллизии повести А. Даржая «Яма» - образ служащего правоохранительных органов, следователя – Боражыка. Сюжет и актуализированная в нем трагедия являются здесь доминирующими средствами раскрытия характера этого героя. Яма, место кровавой расправы – «...*Оно словно клеймо, выжженное на гладком крупе коня, навечно впечаталось в его душу. Даже если ему завяжут глаза, ноги, ведомые обостренным сознанием, словно собака, идущая по следу, приведут его на то место*» [Даржай, 2013, № 3, с. 3¹]. «*Фабула, - считал Аристотель, - есть основа и как бы душа трагедии, а за нею уже следуют характеры...*» [Аристотель, 1957, с. 60]. «*Более пятидесяти лет Боражык хранил в себе секрет ямы*» [с. 5], секрет жестокой, кровавой расправы над невинными жертвами и их тайного захоронения. Из всех тех, кто знал о яме, ее месте в живых остался он один. Страшная тайна «в себе», «ключ от тайны» стали смыслообразующей доминантой мучительных противоречий Боражыка между «жизнью явной» и «личной тайной», внутренней раздвоенности, порой перерастающей в демоническое двойничество: настойчивое, жуткое видение на месте расстрела и захоронения обреченных («*При свете луны он внимательно осматривал свои растопыренные пальцы, ему казалось, что все его пальцы в крови*») [с. 6], обмороки, сердечные приступы с пребыванием в больнице, видения двойника – «Черного Демона». Но становится ли в связи с этим данный образ, характер трагическим? Писатель убедительно обосновывает обратное, о чем свидетельствует каждый элемент повествования, каждый неожиданный поворот сюжета. Для Боражыка и ему подобных, таких, как Большой Дарга, Товарищтай, Артас, Болот, Мондараа, жертвы жестокого приговора лишь

¹ Далее по тексту страницы повести указываются в скобках по данному изданию.

«враги народа», «падаль»: *«Сердце Боражыка понеслось неровными скачками, волосы на голове зашевелились: на его руках кровь падали, валяющейся в яме... Он даже всплакнул. Не о загубленных только что жизнях, а оттого, что никак не мог очиститься от крови врагов народа»* [с. 6]. Панический страх за все содеянное становится тенью Боражыка, и все из-за того, что *«в пятидесятых годах потревожили прах этой падали в яме, когда начали возвращать доброе имя репрессированным...Боражык про себя не на шутку опасался, что за прошлые деяния его призовут к ответу, привлекут к уголовной ответственности. Припомнят, как Боражык с пристрастием допрашивал людей и сажал их в тюрьму. Что делать, если его постигнет такая же участь и будут допрашивать, и выбивать признания его же методами? Однажды додумался даже до того, что как в кровавые времена Берии, он вполне может сгинуть без следа... Мысли о детях, жене целый день не давали покоя. Если с ним что случится, что будет с ними?»* [с. 5]. Но в далеком 1938 году Боражык не думал о детях без вины казненного у ямы Дагбы, о горе Минчеймы, мужа которой, учителя Ужар-оола, арестовали, и он исчез бесследно, только за то, что детям на уроках цитировал и восхищался стихами запрещенного поэта Сергея Бюрбю, не позаботился Боражык и о том ребенке, который родился и рос без отца у совращенной им Минчеймы. Страшные деяния и ничтожные поступки характеризуют этого человека. *Саркастическим комизмом* исполнено повествование о том, как Боражык *«по своей глупости, по пьяному делу шею в петлю добровольно засунул»* [с. 37]. На высоком партийном застолье по случаю победы над «заклятыми врагами народа» Танчаем, Чурлит-Дажи, Хемчиком-оолом Боражык *«напился без меры, до потери сознания и плакал»* [с. 36], напился до того, что пел пошлые песенки, а потом показалось, что *«Тока очень похож на недавнего «черного человека», который чуть было не свел его с ума»* [с. 31]. И самое жуткое – *«вдруг весь стол покрылся кровью и кровь на меня пролилась»* [с. 35]. Где же подлинное «я» Боражыка? Каким он может быть без маски? Можно ли сочувствовать этому приспособленцу? В данном случае саркастическое «я» мнимого страдальца равнялся нулю: подобный тип не в состоянии пребывать в мире без маски, и таким он остается до конца повествования. Но это тип яркий, емкий, вобравший в себя эпоху – ее тупую, слепую беспощадную жестокость и одновременно неукротимое желание казаться достойным человеком. Однако в мир человеческих страданий лишь время от времени Боражыка возвращает его тень – «Черный человек» с видением крови истерзанных жертв. Это эстетически безупречный, яркий образ, формирующий этически окрашенное к себе отношение читателя.

В повести «Яма» нет характера, который бы противостоял Боражыку как представитель оппозиции. Не более чем сюжетную роль выполняют лица, ставшие жертвами репрессий (Дагба, Танчая, Чурмит-Дажи, Хемчик-оол): тяжелые думы Дагбы перед казнью и несколько его фраз на краю ямы, имена других лишь упоминаются в репликах вершителей судеб. И лишь в конце повествования появляется персонаж в лице молодого человека, сына Минчеймы «в грехе» рожденного от Боражыка – Конгар-оол. Вихрь обличения ворвался в повесть, в уютное жилище Боражыка с беспощадными словами его горького укора, усиливая и контрастно очерчивая трагическую константу произведения и идейно-эстетический посыл авторской позиции: *«Я за всю свою жизнь ни разу не сказал слово «ачай» - «отец»... Когда для меня отцом стал некто по имени Ужар-оол, вы его по ложному обвинению посадили как буржуазного националиста... Мама ножом полоснула себя по шее (спасаясь от изнасилования делающих обыск милиционеров – А.К.). Так я остался один... Вы закосневший в грехе человек, везде сеющий смерть и страдание, Ваши руки по локоть в крови, не знаю, как этими руками убийцы и садиста гладили по головам своих детей... Вы тот, который загонял сыновей своего народа в глубокую яму и до смерти забивал дубинкой несчастных, когда они карабкались вверх, чтобы спастись. Все равно народ выбрался из черной ямы страха. Поэтому у меня к вам одна просьба – вы знаете, куда закопали казненных без вины людей, вы должны знать это страшное место, укажите его народу! Сделайте хотя бы одно доброе дело!»* [с. 45-47].

Иннокентий Чоодуевич Боражык, которого до 1953 года именовали Лаврентий Чоодуевич, был сломлен этим валом страшных обличений, вновь безжалостно бросивших Боражыка в объятия «единокровного брата» – «черного человека»: *«Конгар-оол с треском вломился в их убывающую с каждым днем жизнь, словно Кара – Албыс – Черный Демон, отделившийся от Боражыка и мучивший его в том далеком тридцатом восьмом году. Он нарушил размеренный ритм их (с женой Севил – А.К.) старческого покоя, словно внезапный и яростный вихревой, ветер»* [с. 47]. Определенные сюжетные функции выполняют и такие персонажи, как Сендин, дочь расстрелянного Дагбы, которую лишили не только отца, но и «права любить, узнать счастье семейной жизни, рожать и растить детей» [с. 13], такие, как высокие «начальники» репрессий – «любимый, уважаемый «Большой Дарга Тока», Болат, Артас, Товарищтай, Мондараа, Анчыма – это один тип, ряд персонажей, которых объединяет одно слово-определение – «каратели». Номинацию «характер» в определенной степени оправдывает такой персонаж, как супруга Боражыка – Севил. Она – любящая мать, бабуш-

ка, верная, нежная супруга, готовая разделить с мужем, которого она трогательно называет «Бора», все превратности судьбы, но одновременно это и женщина, жена, требующая к себе должного уважения и внимания.

Убедителен, выразителен и эмоционален *идейно-эстетический ресурс* повести А. Даржая. Переводчику С. Ондур удалось передать ее историческую и общественно-социальную адресованность, общечеловеческую и национальную значимость, своеобразие идиостиля писателя А. Даржая. Талантливо переданное «национальное» становится «общечеловеческим» (М. Бахтин). Национальные по духу, своей природе *сравнения* («словно клеймо, выжженное на гладком крупе коня», «словно собака, идущая по следу», «липкий страх прилипал смолой к сердцу», «листочек бумаги размером с собачий язык», «как хвост бродячей собаки волосы», «его душа стала легкой, словно конь», «словно, что зарубка на дереве»); *поговорки* («деревянные штаны надел что ли?», «тороку седла огонь пожрал, а то, на что надеялся, собака съела», «Прости, хайыракаж! Пусть плохое нас обходит», «От змеи родится змееныш»); *этнопоэтика* притчи («подходят «к серебряной воде, пьют прохладную спелую воду», «царица неба – луна», «появляется облако, а в нем высокий силуэт Кара – Хама – Черного Шамана!», «быстро растет белая тень страшного Албыка и достигает берега Улуг – Хема»), характерная в притче *метафоризированная ономапоэя*¹ («воздух наполнился музыкой «бум-бум!» – вторили горы; «шу-шу!» – гудели вековые лиственницы; «тар-тар-тар» – шумела своими перекатами река»); *диглоссия*², конкретизирующая речь, ситуацию («акый» – обращения к старшему брату, мужчине, «уру-ум» – доченька моя, «йорээл» – благопожелание, «Танды» – тайга, «оршээ – азыра» – «Упаси и помилуй!», «артын» – можжевельник, «аарны, чокпек, быштак» – лакомства, «Адыгыр – Амырга – Моос» – чудище, «дунмам», «акым» – уважительное обращение к женщине, мужчине, «ачазы» – отец детей – все это *содержит смысловое наполнение, репрезентируя национальную среду*. Действенно и многофункционально *описание*: «Яма была вырыта не абы как, а очень даже аккуратно, ее стены имели ровные края, а в глубину она была ровно столько, сколько полагалось по инструкции – ни больше, ни меньше», *описание бури* в день расстрела [с. 5] и явления «раздвоения личности» Боражыка [с. 20-21]. Повествование оживляется насыщенными внутренней энергетикой *диалогами*, которые актуализируют и делают более доступной социальную и психологическую индивидуализацию персонажей: Боражык – Большой Дарга Тока – Болат [с. 34-36], Боражык – Конгар-оол – Севил [с. 44-46]. Таким образом различные модусы художественности, имеющие место в рамках текста повести А. Даржая, во-первых, характеризуют неповторимость творческого почерка тувинского писателя, а во-вторых, формируют столь необходимую эстетическую целостность произведения.

Повесть О.П. Шулбаева «Год кровавого Лиса» так же, как и повесть А.А. Даржая – социально-историческая проза: в повести тувинского писателя среди сюжетных персонажей одной из ситуаций действуют, произносят монологи, реплики известные государственные деятели, политики Тувы (Большой Дарга Тока, Товарищтай, Мондараа и др.), а в центре повествования – главный персонаж, доблестный исполнитель карательных мер, служащий государственной безопасности, следователь Боражык – вымышленный образ, возможно, и имеющий реального прототипа; налицо историзм с элементами документализма, фактографичности в автобиографической социально-исторической повести хакасского писателя, где главным героем, наоборот, стала жертва кровавой расправы – родной дед О. Шулбаева – Андрей Данилович Шулбаев (хакасское имя – Албынах), расстрелянный по сфабрикованному обвинению в 1938 году. В годы Большого террора «... в Хакасии в 1937-1938 годах, – пишет историк С. Бондаренко – репрессиям подверглись 2534 человека... только в 1937 году были расстреляны 1027, а в 1938-м – 1312 человек. В эти два года расстрелу подверглись 92% арестованных... Треть расстрелянных находилась в возрасте от 31 до 40 лет, а 84% являлись неграмотными и малограмотными гражданами» [Бондаренко, 2017, с. 11]. Повесть «Год кровавого Лиса» начинается с описания событий конца 30-х годов на Дальнем Востоке, где в войсках Особой дальневосточной армии достойно выполняет свой воинский долг, мужественно сражается в боях на Хасане сын Албынаха – сержант – Петр Шулбаев, который «бился за высоты со своим отделением...» [Шулбаев, 2010, с. 13³]. А «уважаемый Андрей Данилович за воспитание достойного сына» [с. 11] получил Благодарственное письмо от самого командующего «Особой дальневосточной армии В.К. Блюхера». Но горькая весть из дома неожиданно обрушилась на Петра Шулбаева: сослуживец-земляк получил из дома письмо на хакасском языке, в котором сообщили, что отца Петра «раскулачили и посадили в тюрьму». Всего несколько строк повести лаконично передают ответную объективную реакцию сына на несправедливость: «Отца?! – вскопчил Петр. – Какой он кулак? Да, скот есть у него, но МЫ смотрели за ним. Вот этими руками сено косил, стога ставил,

¹ Ономапоэя – звукоподражание

² Диглоссия – слова, реплики национального языка

³ Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страницы в скобках.

– он выставил перед другом свои крепкие мозолистые руки. – Никто на нас не горбатился. Мы сами пластались и днем, и ночью... Отдыха не знали. Только по воскресеньям отец давал всем отдохнуть. Говорил, что Божий день тоже есть...» [с. 21]. Но этот обвал обвинений и арестов вскоре настигнет и Особую дальневосточную армию: будет арестован и расстрелян командующий этой армией В.К. Блюхер, подвергнут аресту и допросам, а затем оправдан командир полка Константинченко.

Используя традиционный художественный прием ретроспекции («опрокидывание» в прошлое) писатель О. Шулбаев стремится воссоздать образ близкого, родного человека, дедушки, полным, ярким в его концентрированном воплощении общего, существенного и индивидуального. Аал Тлачик. Грозный июль 1938 года, но еще не наступил тот самый страшный день, который перечеркнет всю жизнь и пятидесятидвухлетнего Албынаха, и его большой, трудолюбивой и дружной семьи. Младший сын Кальзек под утро вернулся с молодежной гулянки, а Албынах, который долго не мог уснуть в своей юрте, вспомнил свою молодость: «Воспоминания об ушедшей молодости нахлынули на него, как густой предутренний туман. И сразу же сжалось сердце, а мысли галопом умчали его более чем на тридцать лет назад» [с. 24]. И, как в калейдоскопе, замелькали годы, 1906, 1909, 1933-ий, воспоминания. Автор восстанавливает, воспроизводит определенный предметный мир с его особенными временем и пространством, героями, сюжетом, всеми подробностями описания.

Под рукой писателя жизненный материал талантливо претворяется в художественный мир, не лишая главного героя его типичности и индивидуальности. И прежде всего объединяет Албынаха с земляками родная земля, неповторимо родной аал Тлачик: «Но вот из-за горы (Шопыт – А.К.) блеснул краешек солнца, ударил ярким лучом вдоль ложбины, где стоял аал. И сразу же сумерки убежали в лесные заросли, окружавшие Тлачик. И будто распрянулись срубы и крыши построек... Только что уныло смотрелись хакасские юрты, русские пятистенки, крестовые дома, стайки, навесы, заборы, плетни... От яркого света заблестели стекла окон, будто глаза человека только-только умывшегося ключевой водой речки Тлачик. Почти во всех дворах загоготали гуси, протяжно замычали коровы, зова своих хозяек на утреннюю дойку, веселый стал и лай собак... Даже со двора мужика по имени Паш подал бодрое «Ку-ка-ре-ку!» полуобципаный, вечно голодный петушок – постоянный предмет для шуток и насмешек тлачинцев... Надо ж так уродиться, – смеивались односельцы, – ну прям весь в хозяина. Все петухи в третий раз кукарекают, а его – только что. Потому и куры не несутся» [с. 21]. Упомянутый в тексте мужик по имени Паш – не случайный персонаж. Это – антипод великого труженика Албынаха, не отличавшийся «своими повадками от своего петушка: жена почти каждый год рождает. Но у вечно голодной женщины дети появлялись на свет хилыми, худосочными и большинство из них, не дожив и до года, уходило в «праведный» мир» [с. 22]. «Голодная» жена, «голодные» дети. Это более чем красноречиво характеризует такого хозяина, как Паш: ветхая избушка, заросший травой огород, в тайгу Паш не ходит ни орешничать, ни охотиться, детей спасает от голода милостыня, собранная по аалу. Вступив в колхоз, Паш «только и делал, что ходил и воздух пинал». И дети Паша, повторив судьбу родителя, не заслужили себе ни уважения, ни даже имени человеческого, сохранив лишь прозвища, приобретенные в детстве. И подобное не совместимо с тем, что десять детей Андрея Даниловича Шулбаева стали не просто тружениками, а достойными и уважаемыми людьми. Но не простым и не легким был путь человека, создавшего эту крепкую и трудолюбивую семью. Это был путь только его, Албынаха, сумевшего, что-то преобразить, что-то подчинить в этой казалось бы однотипной для всех среде – суровая, но богатая природа, национальные обычаи, нравы, мир, поделенный на бедных и богатых.

В повести О. Шулбаева последовательно, системно воссоздается образ «знакомому незнакомца». Было у Эплея три сына: Албынах, Метрей и Айлек. «К двадцати годам Албынах стал рослым, стройным и крепким парнем» [с. 24], но самым сильным из троих братьев, сумевшим одолеть даже аальского альпы (богатыря) Попона, был Албынах. Испытанием силы, воли, характера стал для Албынаха тяжелый труд у бая Метрана: «После пахоты чем только не занимался Албынах, – читаем в повести, – строил сараи, косил сено, ставил стога, косил серпом и молотил цепами рожь и пшеницу, таскал громадные кули, набитые мукой или зерном, в бездонные амбары бая» [с. 33]. И вот расплата – циничная и жестокая по своей несправедливости: «Албынах, ты хорошо поработал. Вот, на тебе – за работу плачу тебе. И сует ему поношенную рубаху. Кровь ударила в лицо Албынаху от обиды, пальцы сами по себе, непроизвольно сжались в стальной кулак. Но удар не последовал. Он поднял над собой шестипудового бая за кушак и забросил его на две телеги» [с. 33]. Жестокий урок на всю жизнь стал для Албынаха его батрацкий труд у бая Метрана. Клятвой прозвучали слова Албынаха, которые он проговорил любимой Кугыян, ставшей его женой: «Больше никогда не пойду батрачить! И младших братьев не пуцу. Детей своих будущих – тоже! Хоть сколько работой на бая – тебе ничего не достанется, достаток только у него будет. Жилы рвать буду – но в люди выйду!» [с. 33].

Но великой наградой судьбы за все испытания у бая стала для Албынаха его любовь к девушке-батрачке Кугыян, будущей жене, подарившей ему 12 детей, «двоих рано Бог прибрал к себе», умерла при родах и Кугыян, когда Албынаху было 46 лет. Много и удачно охотился Албынах, много и честно трудился. Этим трудом его и всей дружной семьи было нажито крепкое хозяйство – 8 дойных коров, 15 лошадей, мелкий скот, птица. В приданное дочке Челей отдал двух лошадей, но зятю Саглаху (учитель Аполлон Семенович Сагалаков) этого подарка оказалось мало: «придирается» к тестю, «кулаком» его обзывает». А тут и колхоз образовался, назвали «Красная тайга», а Албынаху предлагают вступить в колхоз и передать на общее пользование нажитое хозяйство. Оправданным и естественным является недоумение трудолюбивого крестьянина-хакаса: *«Хосханах,¹ – недоумевал Албынах, – что я должен с Пашем объединиться, что ли? У него даже кошки дома нет, а у меня пятнадцать лошадей!»*. Тревожили справедливые вопросы: *«Хорошо ли будут ухожены твои коровы и овцы? Не будут ли обойдены вниманием другого человека? А самому как жить без своего скота? Не найдя и не услышав ответа на эти и другие мучавшие его вопросы, Албынах твердо решил про себя: нет, такая жизнь не для него»* [с. 37]. Но все-таки уважаемый всеми председатель колхоза Батраченко Андрей Петрович уговорил Андрея Даниловича Шулбаева поступить в этой напряженной обстановке доносов разумно: вступить в колхоз, а коров, лошадей переписать на братьев, детей, оставив их при себе, сославшись на отсутствие хозяйственных построек у тех, кому скот передан. Однако «информаторы» - земляки не успокоились, и июльским утром 1938 года к Албынаху пожаловали три вооруженных милиционера, зять Саглак, друг зятя Григорий Иванович Тинаш, Паш, друг сына Петра Паерка. Сержант НКВД, некий Мисков, заявил: *«Я приехал сюда, чтобы арестовать Вас.. Вот ордер на арест...»* [с. 43]. А затем унижительный обыск, изъятие ружья, патронов, дробы. Несколько строк и небольшой внутренний монолог Албынаха передают его отчаяние и горькое недоумение: *«Что такого плохого я смог натворить-то? В колхоз вступил, там плохо не работал: пахал, сеял, косил, скирдовал, охотничал... Да не умею я работать как попало, плохого тоже ничего не сделал... Опустив голову на грудь, сидит он на самодельной табуретке посередине кухни. Сильные руки безвольно опущены вниз, плечи также согнулись к полу»* [с. 44]. Вместе с Албынахом был арестован его двоюродный брат Петр. Оказавшись в камере районного села Таштыпа, они не находят ответ на случившееся: *«Полутемная камера, железная кровать и невыносимый запах вернули братьев к суровой действительности. В головах обоих молоточками стучал один и тот же вопрос: почему? почему? почему?»* [с. 59]. И на эти горькие «почему?» довольно быстро сочинил ответ – приговор начальник районного отдела милиции сержант Сучков. Как типично то, о чем поведал писатель: приговор-расправа в хакаской провинции как бы вобрал, впитал в себя абсурдность всех обвинительных актов Большого террора, поразившего тогда огромную многонациональную страну: *«Проанализировав все документы, – читаем говорящие о многом строки, – я решил строить обвинение вот таким образом... На территории Матурского сельсовета по заданию уже осужденной Прасковьи Токмашовой была организована контрреволюционная националистическая группа. Организатором и руководителем ее стал затаявшийся кулак Кызынгашев (Т.С. Кызынгашев – председатель колхоза «Красный Абакан – А.К.). Эта группа ставила своей задачей подготовить восстание. Главная ее задача – создать отдельное Хакаское государство под протекторатом Японии. Как организовалась это группа? Прасковья Токмашева завербовала Кызынгашева Тимофея Сафроновича, а тот – Шулбаева Андрея Даниловича, Шулбаева Петра Кузьмича, Токмашова Якова Афанасьевича и Гусакова Федора Трофимовича. Остальных завербовали эти четверо. Вот по этой версии и надо работать нам...»* [с. 59]. В этой группе «националистов» оказались русские – Росляков, Санаров, Нарывашев, Гусаков, и Сучков сам себя одернул: *«Но как же быть с русским – то?»* Немного подумав, решил: *«Э-э, так большинство из них воевало в армии Колчака против советской власти. Лишь бы досадить этим проклятым Советам – вот и примкнули к контрреволюционной группе...»* [с. 58]. И следователь Гнедин, сотрудники милиции Утинский, Тандин, Широкий, как «по-писанному» повели допросы обреченных. По аналогичной матрице «от имени Центрального Комитета ТНРП, его Политбюро, Президиума Малого хурала ТНР» действовали, уничтожая «контрреволюционеров», каратели Тувы, типа следователя Боражыка.

Андрей Данилович Шулбаев пережил, вынес десятки допросов с пытками, жестокими избиениями под началом следователя Гнедина, требовавшего подписать обвинения, которые арестованный не совершал. И только угроза расправиться с детьми Албынаха сломила этого достойного и мужественного человека: *«Ханза твой сидит, очередь дойдет и до Петра с Кальзеком», - кричал Гнедин. «Очнулся он (Албынах – А.К.), лежащим на полу, от каждого вдоха ломило в ребрах. И только стон едва проступал через разбитые в кровь губы. Отдышался чуть и, не вставая даже, прохрипел: «Христа ради прошу, не тронь детей моих... Пусть живут они, пусть детей своих вырастят... Хоть что подпишу, только их не подвергай мучениям... И он подписался везде, где указывал следователь...»* [с. 66-67]. А дальше по этапу – Минусинск. Это был для Албынаха последний этап. Здесь, в камере, он вновь в дорогах для него воспоминаниях восстанавливал прожитое – повествование, сюжет таким образом продолжают восстанавливать ту пространственно-временную среду, которая сформировала этого незаурядного человека.

¹ Хосханах – возглас удивления у хакасов.

Как и в повести тувинского писателя А. Даржая, в повести хакасского писателя О. Шулбаева репрезентируется, идентифицируется та национальная среда, которая породила этого героя повести. Действительно содержательно-эстетическая функция *диглоссии* (использование слов, выражений на родном языке): *алып* 'богатырь', *аях* 'большая чашка', *арака* 'алкогольный напиток', *чирче* 'чарка', *угре* 'хакасский суп с крупой и мясом или молоком, просто-квашей', *толкан* 'хакасская пища из обжаренного, смолотого ячменя или пшеницы', *арчымах* 'переметная сума', *сюрмески* 'тонкие и мелкие косички незамужней девушки', *камча* 'плеть', *карамчить* 'украсть девушку для женитьбы', *сас тойы* 'помолвка по случаю заплетения двух кос', *санчах* 'небольшая кадушка для хранения яраки', *Хасхынах* 'возглас удивления, кодес' 'чугун для варки супа или мяса', *ястра* 'негрубое хакасское ругательство', *помыс* 'общая работа сельчан', *хан* 'кровяная колбаса', *тиин* 'белка'; описание обычая *сас той* – помолвки девушки с расплетанием *сюрмесок*-косичек и заплетанием двух кос, описание обычая хакасов-охотников – заготовка и варка белячьих тушек для подарка маленьким детям, описание национального состязания в силе – перенос по кругу тяжелого бревна; *национальные поговорки, меткие сравнения*: «в долгах – не деньги, в копнах – не сено», «дни промчались, словно резвые скакуны в бегах», «голосок журчит, как ручеек на перекате, улыбнется – словно весеннее солнышко светит», «молчун, как сона», «воет, как волк», «трещит, как сорока»; *народная песня*: «Кто же пил неиссякаемую воду, / Кто же родился бессмертными, чтоб не умереть?»; «Год Красного Лиса» – год хакасского зодиака.

«21 сентября 1938 года, в год Лисы, точнее, в год кровавого Лиса» [с. 100] не стало Андрея Даниловича Шулбаева: «За мной!», – приказал охранник. Искрой сверкнула мысль у Албынаха, а перед глазами тут промелькнули родители, Кугыян, десять детей, братья и сестра..., а в мозгу песня тлачинцев:

Кто же пил неиссякаемую воду?

Кто же родился бессмертным, чтоб не умереть? [с. 100]

Из камеры смертников Минусинской тюрьмы уходили из жизни тоже по сфабрикованным доносам секретарь заводского комитета комсомола Иван Светин, секретарь райкома партии – Маков Сергей Петрович. Раскаяние государства, правительства, судебных органов, к сожалению, пришло слишком поздно, через десятки лет.

Почти документом становится звонок бывшего следователя Боражыка в Комитет госбезопасности в финале повести тувинского писателя А.А. Даржая «Яма»: «Говорит Иннокентий Чоодуевич Боражык. Передайте заместителю начальника, я готов показать место захоронения репрессированных. Он знает, где я живу. Пускай возьмет машину. Все...» [с. 48]. Документально представлены в повести А. Даржая и речи Большого Дарга Тока и Болата от 29 октября 1938 года [с. 26-29]. Запоздалое раскаяние реальным документом звучит и в эпилоге повести О.П. Шулбаева: «После гибели Албынаха, двадцать лет спустя, 13 декабря 1958, президиум Хакасского областного суда принял постановление: «Считать неправомерным постановление «тройки» УНКВД по Красноярскому краю по следующим причинам:

- Отдел НКВД Тагитынского района все 15 человек арестовал без свидетельства о проведении ими антисоветской деятельности;
- во время следствия не добыто ни одного свидетельства и об их антигосударственной работе, кроме слов самих обвиняемых;
- после ареста в течение 6 – 9 дней каждого из них допрашивали лишь по одному разу – на первом же допросе все 15 человек сознались в тяжком антигосударственном преступлении.

Такое обвинение несостоятельно, поэтому это дело прекратить и всех оправдать»... Председателем заседания президиума Хакасского областного суда был Дорчеев, также приняли участие Кокарева, Янгулов, Чигрин, Райкова, исполняющим обязанности прокурора был Семенов» [с. 108].

В художественной литературе часто используется документ, особенно с социально-исторической тематикой или с тематикой биографической ориентации. «В документальном контексте, – пишет Л.Я. Гинзбург, – факт испытывает глубокие превращения. Слова могут остаться неукрашенными, но в них должно возникнуть качество художественного образа, в факте пробуждается эстетическая жизнь: он становится формой, образом, представителем идеи» [Гинзбург, 1971, с. 10-11]. Взаимодействие с документом в определенной степени обогатило социально-исторические повести А. Даржая и О. Шулбаева, в некоторой степени, подсказав тувинскому и хакасскому писателям фактографическую образность, оттенки характеров, сюжетные ходы и даже трактовку, акцент идеи и общей для них проблемы.

Литература

- Карачаков С. Первая в хакасской литературе // Олег Шулбаев «Год кровавого Лиса». Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2010, 111 с.
- Даржай А. Яма // Журнал «Улуг-Хем», 2013, № 3, с. 3. Перевод на русский язык С. Ондур.
- Аристотель. Об искусстве поэзии. М., 1957, 184 с.
- С. Бондаренко. А вы об этом знали? // Газ. Шанс. 2017. № 44. 2-8 ноября.
- Шулбаев О. Год кровавого Лиса. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2010, 111 с.
- Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Сов. писатель, 1971, 464 с.